

Мария Мартова

Небывалые были

Мария Мартова
Небывалые были

«Издательские решения»

Мартова М.

Небывалые были / М. Мартова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513782-1

В книге представлены самые невероятные истории, которые случились с самыми обыкновенными людьми, оказавшимися в нужное время в нужном месте. Попасты в мир волшебства им помогло в какой-то степени и их собственное желание.

ISBN 978-5-00-513782-1

© Мартова М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Карлик, кактус и собачка	8
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	12
ГЛАВА 5	14
ГЛАВА 6	15
ГЛАВА 7	16
ГЛАВА 8	17
Зимняя скука	18
Глава 1	18
Глава 2	19
Глава 3	21
Глава 4	23
Глава 5	24
Глава 6	25
Глава 7	26
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	30
Глава 11	32
Глава 12	33
Глава 13	34
Глава 14	35
Угол	36
Часть 1. В углу	36
Глава 1. Наказание	36
Глава 2. Вчерашняя выходка	36
Глава 3. Побег	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Небывалые были

Мария Мартова

© Мария Мартова, 2020

ISBN 978-5-0051-3782-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Что есть быть, что небылица?
Где лежит меж них граница?
Быль и ложь свое твердят.
Кто здесь прав, кто виноват?
Да, пожалуй, стоит, братцы,
В этом деле разобраться.
Чем решится этот спор?
Труден будет разговор.
Честным людям невдомек,
От неправды что за прок?
Не ответит и мудрец.
Есть у правды свой конец,
Правды может быть немало.
И у сказки есть начало,
Но конца у сказки нет.
И не жди иной ответ.
Сказка длится без конца
Не для красного словца.
Ради истины ложится
За страницей страница.
Чтоб правдивость показать,
Нужно слово подобрать.
Мудрость честного писанья —
В правоте иносказанья.
Сказки правдою полны,
Были выдумкой сильны.
Как скучны бы сказки были,
Если б не было в них были.
Быль без вымысла бледна,
Ложь без истины бедна.
Неразлучны друг от дружки
Две хорошие подружки.
Не проляжет никогда
Промеж них стеной вражда.
Жили в мире и живут,
Их делить – напрасный труд.
И на это есть причина —
Золотая середина.
И ее ты сам найдешь,
Если были все прочтешь.
А прочтешь, тогда поймешь,
Где здесь правда, а где ложь.
Быль со сказкою вдвоем
Вдаль ушли одним путем.
А куда увлек их путь,

Догадайся как-нибудь.
В той далекой стороне,
В той игрушечной стране
Сказки с былями живут,
Сказки былями зовут.
Где найти их путь теперь?
Как открыть в их царство дверь?
Только тот, кто в сказку верит,
Сам найдет и путь, и двери.
Если ты со сказкой дружен,
То тебе и ключ не нужен.
Стоит только шаг шагнуть,
В гости к сказке заглянуть,
И тогда увидишь ты
Мир, где прячутся мечты.
Удивишься чудесам
И волшебным станешь сам.

Карлик, кактус и собачка

ГЛАВА 1

Маленький невзрачный человечек с плешинной голове, крючковатым носом и короткими кривыми ножками жил на самой окраине глухого провинциального городка. Ничто не сотрясало существования этого забытого богом места. И жизнь самого коротышки проходила мирно и спокойно, и никакие потрясения не угрожали нарушить его тоску и одиночество.

В его маленьком сером домишке было только одно крохотное окошко с любимым кактусом в горшке. Кактус никогда не цвел, но все равно был нежно любим хозяином. Тихими звездными вечерами карлик присаживался перед окошком и смотрел на безмятежное темное небо. Рядом пристраивалась старенькая хромая такса грязно-рыжего цвета с неровным черным пятном на глазу. Карлик сладко вздыхал, собачка тихонько посапывала в ответ, а кактус безмолвно соглашался, растопырив свои редкие колючки. Так и просиживали они втроем неразлучно долгие часы изо дня в день, из года в год. И ничто не менялось в их безмятежном однообразном существовании. И они были по-прежнему дороги друг другу и не представляли себе иного течения жизни.

В дневное время карлик поглядывал из окошка на дорогу, проходившую мимо его дома. Он мог видеть только краешек старых некрашенных ворот. Обычно они скрипели на ветру, напоминая о том, что жизнь продолжается. А сам карлик служил при них охранником и открывал ржавую скрипучую калитку всякий раз, когда чья-нибудь подъезжавшая машина не начала нетерпеливо гудеть под окном привратника.

Тогда маленький плешивый человечек в сером рабочем комбинезоне натягивал на голую плешь затертую сизую кепку и спешил пропустить транспорт в город. Когда машина уезжала, он еще долго стоял на дороге и глядел ей вслед, думая о чем-то своем.

Но такие моменты возникали редко. В основном в город въезжали через другие главные ворота, от которых шла прямая дорога к центральной площади города. А этот путь был объездной, его грунтовое покрытие давно износилось, и автомобилисты предпочитали пользоваться им только в крайних случаях.

И потому работа маленького служителя дороги не была волнительной и суетной. Стоя возле закрытых ворот, карлик равнодушно глядел на густо рассыпанные черепичные крыши домов, тянувшихся далеко в гору прямо к главной достопримечательности города. Ею был высокий старинный замок с длинным остроконечным шпилем на зубчатой башне. Он украшал не только вершину горы, но и весь город, лежавший у ее подножия. Этот возвышающийся над маленьким миром величественный исполин служил когда-то королевским пристанищем для царственных особ, охотившихся в здешних лесах. Позже он превратился во дворец и стал визитной карточкой города. В нем устраивались городские концерты, выставки, карнавалы и прочие шумные мероприятия.

По ночам на высоком шпиле зажигались бесчисленные яркие огни, старясь затмить собой звезды на небе. А по праздникам небо над дворцовой башней озарялось букетами фейерверков, и их шум вместе со звуками громкой бравурной музыки докатывался до тихого жилища на окраине города.

Только от одной мысли о том безобразии, которое творилось в стенах дворца, у скромного и глубоко порядочного работяги-карлика пробегали мурашки по всему телу. Больше всего на свете он ценил тишину, покой и порядок. И потому, посылая презрительный вздох бестолковому гиганту, он самодовольно потирал свои маленькие ручки и возвращался в свое крошечное уютное гнездышко с одним окошком, где ничто не тревожило его мирный сон.

ГЛАВА 2

Как-то поздним вечером он уже собирался укладываться спать, как вдруг услышал резкий скрип колес затормозившего автомобиля. Карлик выглянул в окно, но никого не увидел. Тогда он осторожно высунул в приоткрытую дверь сперва свой крючковатый нос, потом, набравшись смелости, и всю свою плешивую голову без кепки. И тут же заметил, что в стороне от ворот стоит странного вида машина. Точнее, машина была самой обыкновенной – шикарный лимузин ярко-розового цвета, только странно было встретить его в таком месте и в столь поздний час. А возле распахнутой дверцы авто стояла высокая невероятно красивая дама в дорогом наряде из пышных блестящих перьев, увенчанная элегантной широкополой шляпой цвета лимузина.

Карлик поспешил отряхнуть свой серый комбинезон, натянуть на голову сизую кепку и выскочить навстречу чудесной гостье.

– Ах, господин... Не знаю, как вас звать, – начала она певучим ангельским голосом.

– Меня зовут...

– Вот и прекрасно, – продолжила она без лишних церемоний. – Вы-то мне и поможете. Я совсем заблудилась, выехала не на ту дорогу. А мне нужно в город, вон в тот дворец. Видите?

– Да, я...

– Вот и договорились. Я не знаю, где у вас главные ворота. А через эти проехать можно?

– Конечно.

– Вот и славно. Только у меня беда. Сломалась ось колеса. Ну, что же вы стоите? Мне нужна помощь.

Красавица нетерпеливо топнула ножкой в розовом сапожке на высоком каблучке.

Маленькому человечку показалось, что эта шпилька проткнула насквозь его сердце. Он впопыхах сорвался с места, приволок из дома ящик с инструментами и проворно полез под широкое пузо дамского автомобиля. Недолго порывшись, он нашел неисправность, быстро подобрал подходящий болт, закрутил на нем гайку и, вытерев промасленные руки о комбинезон, встал по стойке смирно перед неожиданной заказчицей.

Прекрасная дама смотрела на него с восторгом, божественной улыбкой на лице и светящейся радостью в огромных глазах, затененных пышными бархатными ресницами. А маленький работяга стоял на почтенном расстоянии от нее и мялся на месте, как ребенок, готовый исполнить любую просьбу повелительницы. Мысли путались у него в голове, она кружилась, как листок на ветру. А он рад был бы умереть от счастья, созерцая еще это неземное чудо.

– Что же вы медлите? Пойдите откройте ворота. Мне нужно в город. Вы слышите меня?

Он слышал все, но не услышал ничего. Ноги его будто приросли к земле, а дыхание, казалось, навсегда застряло у него в горле. Наконец он сделал шаг, но не в сторону ворот, а к прекрасной незнакомке. Потом набрался смелости и подошел совсем близко. Он посмотрел на нее замороженным взглядом снизу вверх и не смог оторвать взгляда. В ее огромных темных глазах отражались мерцавшие в небе звезды, перья ее наряда покачивались от каждого дуновения ветра, а от нее самой веяло каким-то неземным благоухающим ароматом, от которого еще сильнее кружилась его беспомощная голова в полинялой сизой кепке.

– Ах, да, надо открыть ворота, – собравшись с мыслями, опомнился он. – Я сейчас.

И помчался выполнять поручение. Ржавые створки раскрылись с трудом и со скрипом, нехотя предлагая проехать дальше.

– Как чудесно! – пропела красавица своим сладким голосом. – Скажите мне, а по этой дороге можно проехать ко дворцу?

Карлик уверенно закивал головой так, что кепка чуть ее слетела с нее.

Дама заулыбалась в ответ обворожительной улыбкой, а он чуть не расплакался от умиления. Она не заметила его волнения и сказала, как ни в чем не бывало, что едет туда на большой праздник, который состоится там завтра вечером.

– Как, разве вы не слышали? Ах, какое упущение! Это грандиозное событие. Там будет бал цветов, выставка собак и конкурс красоты. Вы непременно должны быть там. У вас есть подходящий костюм? А сортовые садовые цветы? А породистый питомец?

Глаза несчастного карлика лихорадочно засверкали огнем. Он плохо соображал, что нужно делать, но точно знал, что должен угодить во что бы то ни стало загадочной гостье. Тогда он натянул поглубже кепку на лоб, похлопал руками по пыльному комбинезону и пулей помчался к себе в сторожку. Через мгновение маленький человечек с кактусом в горшке и дряблой таксой с пятном на глазу стоял навтыжку перед милой дамой и глядел на нее доверчивым вопросительным взглядом.

В ответ она засмеялась певучим звонким смехом. Карлик смутился, поник головой и сделался еще меньше, еще несчастнее. Если бы вдруг красавице пришло в голову насмеяться над ним целый час, то он, пожалуй, сделался бы размером со свою таксу.

– Напрасно расстраивайтесь, мой друг. Вы для меня столько сделали.

– Что вы... я...

– Ах, не стоит. Я хочу по достоинству отблагодарить вас. Вы ведь не откажитесь побывать на этом представлении вместе со мной?

– О, я...

– Вот и договорились. Я приглашаю вас во дворец. Не забудьте, завтра вечером непременно будьте там. А вот ваш костюм, и собака, и цветок...

– Как же быть? – в слезах простонал карлик.

– Ладно, не раскисайте. Это поправимо. Стоит только захотеть, и все получится.

С этими словами дама вытащила из своей миниатюрной сумочки, расшитой бисером, изящный хрустальный флакончик с розовой этикеткой и добавила:

– Это волшебные духи. Пролейте только одну каплю на себя, и ваше желание исполнится тут же. Не забудьте, капнуть нужно завтра, как только стемнеет. Я жду вас.

И ослепительная богиня в облаке благоухающего аромата и блеске своего ослепительного наряда исчезла на своем розовом автомобиле так же внезапно и незаметно, как и появилась. А маленький человечек с пузырьком в руке стоял посреди размытой грязной дороги перед раскрытыми настежь воротами, скрипящими на ветру, и не двигался с места.

Он бы так и простоял всю ночь и весь следующий день в ожидании предстоящего чуда, если бы не его собачка. Замерзнув, такса жалобно затыкала.

– А? Что? Что с тобой стряслось, малышка? – растерянно спросил хозяин.

Тут он наконец пришел в себя и, нехотя оторвав взгляд от сияющего огнями далекого дворца, медленно поплелся в свою мрачную хижину.

ГЛАВА 3

Весь следующий день прошел как во сне. Привратник равнодушно открывал скрипучие ворота, забывая их вовремя закрыть, и то и дело поглядывал на нестерпимо медленно идущие часы.

И вот, когда вялые сумерки наконец спустились на крышу маленькой сторожки, он встал из-за стола, выпрямился, ровно вытянул спину, стараясь сделаться как можно выше, натянул на себя сизую кепку, взял кактус в одну руку и собачий поводок в другую.

– Всего одна капля, и сбудется самое заветное желание, – прошептал он пересохшими от волнения губами.

В стусившемся мраке глаза его горели нездоровым блеском, бешено колотилось сердце, нервно дергались коленки. Трясущимися руками он осторожно открыл драгоценный флакончик и не дыша вылил себе на ладонь одну капельку чудесного эликсира, а потом поднес ее к своему крючковатому носу. Волнующий аромат, точно такой же, какой расточал пышный наряд незнакомки с колыхавшимися перьями, окутал его вместе со всем его жилищем. Голова бедняги закружилась, все вокруг завертелось в стремительном вихре, густой туман застил ему глаза.

Когда же он пришел в себя, то увидел перед собой вместо темных стен сторожки целое море огней.

«Пожар!» – мелькнуло в его воспаленном воображении. Он крепко зажмурился, но подумав немного, осторожно приоткрыл глаза.

– Ох! – вздохнул он с облегчением и некоторым недоумением и с опаской поглядел по сторонам.

Он стоял посреди огромной площади, окруженной высокими каменными домами с колоннами и балконами, возле огромной массы дорогих блестящих автомобилей прямо перед открытыми массивными воротами, за которыми сиял тысячами праздничных огней великолепный дворец, известная во всем городе достопримечательность. Столько горевших одновременно в одном месте фонарей бедный карлик никогда не видел. В испуге он отступил на шаг назад.

– Куда же вы? Все гости давно уже собрались. Только вас и ждем, – услышал он голос за воротами.

Тут только карлик заметил на дворцовом крыльце двух привратников в сверкающих блеском ливреях и белоснежных перчатках. Они услужливо распахнули перед ним украшенные золотым орнаментом массивные двери, приглашая войти внутрь. Несчастный гость недоверчиво замотал головой.

– Вы приглашены. Добро пожаловать!

Блестящие стражники склонили перед ними головы. Он еще немного поколебался, потом тревожно выдохнул и на подгибающихся ногах вошел в величественное здание.

ГЛАВА 4

Его встретило море света, радостной музыки и головокружительного аромата цветов. Сделав всего шаг вперед, маленький гость вдруг замер, остановившись перед огромным, во всю стену, зеркалом. Прямо на него глядело незнакомое лицо, от которого невозможно было оторвать взгляд. Невероятной красоты молодой высокий мужчина в элегантном с иголки фраке, черном цилиндре, из-под которого вились пышные темные кудри, стоял посреди широкого вестибюля. В руке юного красавца был огромный букет огненно-алых свежих роз с каплями росы на упругих лепестках, а возле его ног находился ослепительно белый королевский пудель, аккуратно подстриженный, причесанный, с бантиками на длинных крепких лапах. Очаровательный пес гордо и уверенно глядел вперед, будто был хозяином на этом роскошном празднике жизни. Зато милостивое и привлекательное лицо молодого человека искажали испуг и неуверенность.

Карлик приблизился к зеркалу, а отражение приблизилось к нему.

– Что же это? – прошептали оба трясущимися губами.

Не успел карлик-великан что-либо понять, как увидел, что две симпатичные девушки в одинаковых белых бальных платьях подлетели к нему, как бабочки, и, не дав опомниться, увлекли его в соседний зал.

– Бал цветов уже начинается, – пропела одна из «бабочек».

– Ваш букет должен непременно в нем участвовать, – пропела другая.

Обе белоснежные красавицы своими тонкими руками нежно подхватили розовый букет из рук владельца и поместили в роскошную хрустальную вазу на высоком стеклянном помосте.

– Ваше место в зрительном зале, – пропели обе девушки. – Идите туда и ждите.

Статный красавец во фраке и цилиндре послушно отошел к стене, возле которой толпились другие молодые люди и девушки в вечерних туалетах. По залу полилась приятная танцевальная мелодия, и стеклянный помост, уставленный вазами с самыми роскошными и затейливыми букетами, на не видимых глазу шарнирах закрутился на месте, распространяя чарующие ароматы. Перед глазами зрителей поплыли, как в калейдоскопе, яркие сочные краски самых изысканных цветов. У карлика закружилась голова, но это было, скорее, от счастья. В череде быстро сменяющихся цветочных фантазий то и дело попадался эффектно выделяющийся среди прочих его букет, пламенеющий алым цветом и источающий волшебный запах. Взгляды присутствующих тоже невольно тянулись к этому розовому чуду. Зрители восторженно аплодировали, хлопал в ладоши и сам карлик, не желая отстать от других.

Когда же музыка умолкла, на середину помоста, прямо в центр цветника вышел человек в черном костюме с микрофоном в руке и громко объявил:

– Победителем конкурса цветов, по единогласному мнению жюри, становится вот этот роскошный букет, – и указал рукой на цветы, принесенные карликом. – Прошу их достойного обладателя взойти на сцену для вручения заслуженной награды.

Не успел бедный карлик прийти в себя, как две белоснежные помощницы в бальных платьях подлетели к нему и, подхватив под руки, вывели на высокий помост под восторженные взгляды публики.

Грянул гром оваций, заиграла торжественная музыка, и на шею юного красавца в шикарном фраке была надета блестящая золотая медаль на красной атласной ленточке. Ее тяжесть приятно ощущалась новоявленным победителем, никогда доселе не получавшим никаких наград. Он краснел от смущения и удовольствия и готов был благодарить всех зрителей, жарко рукоплескавших ему внизу.

На этом его громкий триумф закончился. Взволнованному виновнику торжества пришлось спуститься с пьедестала. Однако чудесные представления еще продолжались. Перед пуб-

ликой раскрылись двери в следующий зал. Людская волна подхватила золотоносного счастливчика и вместе с ним устремилась в распахнутые двери.

ГЛАВА 5

Это было широкое помещение, обставленное стульями в дорогой парчовой обивке, предназначенными для зрителей, с длинной круглой сценой посередине. На нее вели ступеньки, по которым взбирались многочисленные гости вечера, но не все, а лишь те, в чьих руках были собачьи поводки с четвероногими питомцами.

Карлик, недолго думая, влился в цепочку владельцев собак. Взойдя на сцену последним, он сначала растерялся, не зная, что ему делать и куда двигаться. Все собаки, несмотря на свое благородное происхождение и, вероятно, достойное воспитание, в обществе себе подобных пришли в возбуждение и громко залаяли. Неразбериха грозила перерасти в скандал. Никакие увещевания хозяев и хозяек четвероногих моделей не могли заставить их успокоиться и замолчать.

Один только белый пудель карлика вел себя по-королевски сдержанно и с гордым презрением молчал, глядя на недостойное поведение своих собратьев.

«Вот и хорошо», – решил карлик и повел своего безмолвного друга прямо по красной дорожке, расстеленной по периметру сцены. Такого действия не ожидали ни собаки, ни люди. Перед их взором проплывал, словно красавец лайнер, ухоженный белоснежный пудель вместе со своим хозяином в элегантном черном, как смоль, фраке. Участники конкурса не могли оторвать взглядов от зрелища, и все как один поспешили присоединиться к нему. Вскоре длинная вереница грациозно шагающих пар выстроилась по всей красной дорожке. Впереди по-прежнему двигался белый королевский пудель, будто указывая дорогу другим. И никто не смел опередить его.

Когда же шествие закончилось и настал момент определения победителя, все участники, будто сговорившись, встали плотным кольцом вокруг самой привлекательной пары – высокого брюнета во фраке и его ослепительно белого любимца.

На этот раз золотая медаль на красной атласной ленточке увенчала кудрявую шею собаки. Со всех сторон засверкали яркие вспышки камер и засуетились репортеры с микрофонами. Испуганным победителям едва удалось унести ноги подальше от этого буйства внимания и потока нечаянной славы.

ГЛАВА 6

Карлик с собакой бежали из комнаты в комнату, из зала в зал, надеясь избавиться от пристального внимания толпы. Мимо мелькали богатые дворцовые интерьеры с огромными зеркалами в золоченых рамах, с пышно украшенной мебелью, с дорогим декором стен и потолков. Наконец беглецы оказались в небольшой темной комнате, скорее всего, подсобной, со скромной обстановкой. Инвентарь, пристроившийся в углу, не внушал ни страха, ни беспокойства. Человек и собака облегченно вздохнули.

Но внезапный шум и громкая музыка за стеной вновь заставили их вздрогнуть. Любопытство превзошло желание оставаться в тени, и они осторожно выбрались наружу.

Такого совсем недавно бедный маленький человечек и представить себе не мог. В огромном зале размером, пожалуй, с весь их городок, среди мраморных колонн, роскошной лепнины и бархатных ковров, под потоками яркого света массивных хрустальных люстр, под ликующие звуки восторженной музыки началось главное событие этой сказочной ночи.

Толпы мужчин в парадных костюмах, среди которых оказался обескураженный карлик, стояли в просторном партере на сверкающем блеском паркете, а перед ними на высоких подмостках проплывало целое облако невероятно красивых девушек в роскошных вечерних платьях, украшенных золотом и бриллиантами. От них веяло очарованием и безграничной привлекательностью. Если бы только было возможно, все кавалеры, не задумываясь, бросились бы к ногам прелестниц, чтобы высказать им свое восхищение.

Одурманенный невиданной красотой, бледный юноша с черными растрепавшимися кудрями не мог спокойно дышать и здраво мыслить. Сердце его билось, как поршень бешено летящего автомобиля. Он еле держал себя в руках, чтобы не разорваться от переполнявшего его счастья.

– А сейчас пришло время объявить имя королевы красоты, – медленно и важно произнес ведущий, поправив галстук-бабочку, и обвел взглядом весь замерший в нетерпении партер.

Две девушки в белых платьях подлетели к нему. Они держали в руках поднос с сокровищем – изящную ажурную корону, усеянную драгоценными камнями, игравшими в свете софитов фейерверком блеска и роскоши. Минута ожидания длилась целую вечность. Карлику казалось, что он вот-вот лишится чувств, если не увидит сию минуту идеал красоты и очарования.

– Вот она, настоящая королева!

Голос ведущего утонул в шквале оваций. Карлик стоял ни жив ни мертв. Всего в нескольких шагах от него в самом центре сцены возле ведущего, поднимающего вверх драгоценную корону, возникла она – вчерашняя красавица, облаченная в блестящий королевского наряда с колыхающимися пышными перьями. Под громкие аплодисменты зала драгоценная корона увенчала ее золотоволосую голову. Улыбка победительницы осветила счастьем и восторгом всех вокруг, а взгляд подарил радость и наслаждение. Она купалась в звуках музыки, и шуме рукоплесканий, и криках восхищения. И была так же счастлива, как и все ее поклонники.

Однако внимание публики недолго баловало прелестницу. Насытившись славой, она вдруг тревожно посмотрела по сторонам и принялась вглядываться куда-то вдаль, будто ища чего-то и не находя, и непонятное волнение, смятение чувств и мыслей промелькнули в ее взгляде стремительным вихрем. Но в какой-то миг она вдруг успокоилась, словно невидимая буря минула ее, и вновь лучезарная улыбка, легкий румянец и радость в огромных выразительных глазах озарили лицо красавицы.

Оглушительные крики «браво» доносились со всех сторон. Но их не слышал карлик. Не слышала их и она, королева праздника. Их взгляды встретились и больше не могли оторваться друг от друга. Она улыбалась только ему, самому красивому мужчине в этом зале, и только она могла разделить с ним его неутраченное чувство любви и бесконечного счастья.

ГЛАВА 7

– А теперь бал! – услышала публика голос конферансье и хлынула в соседний танцевальный зал.

Слышали те двое о начале бала или нет, они и сами не знали. Волна восторженной публики подхватила их и понесла на танцпол, закружив в водовороте безумного танца.

Вокруг юного кавалера во фраке, с золотой медалью на шее тут же столпились стайки милых звонкоголосых девушек.

– Какой красавчик! – щебетали они и протискивались сквозь толпу соперниц поближе к кумиру.

– Я буду с ним танцевать.

– Нет, я.

– Как бы не так.

Гибкие ловкие руки юных охотниц за прекрасным подхватили застенчивого гостя и унесли в море танца. Он никому из обольстительниц не смел отказать, всем улыбался и, кружась в паре то с одной партнершей, то с другой, все время оглядывался, пытаясь отыскать взглядом ту единственную, ради которой он сюда попал. И она, предмет его грез и желаний, тоже оказалась в кольце мужского внимания. Никто из обожателей не желал упустить случай пригласить ее на танец и ни за что не хотел уступить это право другому.

Временами ее искрящийся счастьем взгляд встречался с его взволнованным. Тогда она пыталась всеми силами подойти к нему, но сильные руки галантных кавалеров мешали ей сделать это. Так продолжалось снова и снова. Разлученные влюбленные то приближались, то удалялись друг от друга и все время терялись в шумной толпе, не дававшей им слиться воедино.

Перед глазами разувверившегося в своих силах юноши в безумном свете тысяч огней мелькали пестрыми цветами дамские шляпки и мужские галстуки. Громкие аккорды музыки заглушали топот ног и вздохи умиления. Воздух переполняли запахи кружащих голову духов.

Карлик вконец обессилил. Буря света и цвета слились в его глазах в один слепящий поток. Голова раскалывалась от оглушительного звона. Непослушные ноги подкашивались и грозили не удержать на месте измученного беднягу, на душе которого было скверно и неудобно. «Наверное, я схожу с ума», – подумал он и чуть не потерял сознание.

И тут в его голове пронеслась неведомо откуда взявшаяся мысль: «Если очень захотеть, то желание обязательно сбудется». Неожиданно гром музыки утих, толпа замерла, словно остановленная стеной гигантская волна, и, разбившись на две половины, проложила живой коридор через весь зал. Из его противоположных концов глядели друг на друга две пары влюбленных глаз, не замечавших ничего вокруг. Юноша почувствовал тонкий волнительный аромат духов его возлюбленной. Она улыбнулась ему еще нежнее и теплее прежнего. Его сердце заколотилось с удвоенной силой, голова закружилась, стало тяжело дышать.

Вдруг снова громко грянула музыка, повсюду раздался шум оваций, свист, крики радости. Измученный влюбленный попытался улыбнуться, сделал неверный шаг вперед и тут заметил, что его прекрасной незнакомки нет среди гостей. В воздухе оставался лишь едва уловимый запах ее духов.

Но где же она? Мысли тяжелыми ударами застучали у него в голове. Он еще раз всмотрелся в глубь зала, но ничего не увидел. Сотни ярких пар, как искры пламени, кружились в безудержном стремительном вихре. Карлик не выдержал напряжения, зажмурил глаза и упал без чувств.

ГЛАВА 8

Когда он очнулся, услышал невероятную тишину. Он слегка приоткрыл глаза. Непроницаемый мрак окутывал его плотным покрывалом, ему казалось, что он попал в глубокое подземелье. Он резко поднял голову и судорожно огляделся по сторонам.

– О, это чудо! – воскликнул он.

Маленький человечек по-прежнему сидел на холодном полу своей серой каморки. Возле его ног приветливо виляла хвостом его такса грязно-рыжего цвета с черным пятном на глазу, а на одиноком окошке мирно красовался старый невзрачный кактус с редкими желтыми колючками. За окном ласково поскрипывали не смазанные ржавые ворота.

«Хорошо-то как, – подумал карлик, – темно, тихо и спокойно».

И впрямь, голова у него больше не кружилась, сердце стучало вяло и неторопливо. И никуда ему больше не хотелось мчаться и чего-то искать. Ему совсем уже ничего не хотелось.

Он поднялся с пола и с удовольствием отряхнул свой пыльный полинялый комбинезон и поправил поношенную старую кепку. Потом подошел к некрашеному засаленному столу. Тот был, как и раньше, такого же роста, что и он.

– Фу, – выдохнул карлик и шагнул в сторону.

Вдруг он замер, будто пораженный громом. Перед ним на полу валялся маленький стеклянный пузырек. Дрожащей рукой он потянулся к коварному зелью. Сердце его вновь учащенно заколотилось, и он почувствовал тошноту и головокружение. Но набрался смелости и вскрыл таинственный флакон, на всякий случай зажмурив глаза и затаив дыхание. Такса у его ног перестала вилять хвостом и с напряжением следила за каждым движением хозяина.

Карлик колебался. Он не знал, пожелать себе еще чего-то или отказаться от какого бы то ни было желания вообще. А если пожелать, то что? Поборов муки сомнения, он тихонько приподнял крохотную крышечку. И тут случилось то, чего он никак не ожидал. Флакон был пуст и не содержал в себе ровно никакого запаха, будто в нем никогда ничего не было.

– А может, никогда ничего и не было? – в нерешительности подумал он и робко улыбнулся.

Его собачка одобрительно затыкала, кактус в горшке едва заметно колыхнулся, будто обрадовавшись, и растопырил свои дряблые колючки, а ворота за окном отозвались дружеским скрипом.

– Конечно, не было.

Зимняя скука

Глава 1

В деревне Дрозды жило много народу, почитай сто дворов от самой окраины до большого деревянного моста через речку Дроздовку. Жили дружно, держались все вместе и в горе, и в радости. Как начнут, бывало, свадьбу гулять или в солдаты парня молодого провожать, так весь люд деревенский собирается, никто в стороне не остается. И была в деревне своя церковь с куполом и золотым крестом, и своя мельница, что крутила крыльями, не уставая, все лето до самых холодов, и большая рыночная площадь, на которой в красные дни было не протолкнуться, и школа своя, и сельская баня возле пруда, а еще густой темный лес за околицей, в котором звенело на всю округу множество птичьих голосов. А больше всех заливали певчие дрозды, и любили их все жители деревни, и старые, и молодые.

А среди дроздовцев старше и мудрее всех была Марья Гавриловна Горевалова по прозвищу Горевуха. Век вековала она в родной деревне, но лишь на старости прилепилось к ней это имя.

По молодости Марья Гавриловна и не думала горевать. Жила она со своей большой и дружной семьей в просторном деревянном доме с террасой, высокой крышей и всегда распахнутыми настежь ставнями. Шли годы. Дети выросли и разлетелись из родительского гнезда. Деда своей Егора Горевалова она похоронила на сельском кладбище прямо за церковью еще позапрошлой осенью. И осталась одна-одинешенька горевать в старом доме, в котором вместо веселых детских голосов стал гулко завывать ветер, хлопая скрипучими ставнями. Крыша гореваловского дома начала протекать, но залатать ее было некому. Ветхий забор во дворе покосился и чуть не придавил пышный когда-то куст белой черемухи. Да и сама черемуха, точно ее хозяйка, вся высохла и осталась стоять с голыми скрюченными ветками как жалкое напоминание о прошлых цветущих годах.

Люди старались обходить Горевухин дом стороной, не желая нарушать своим вниманием чужое одиночество. Лишь изредка сердобольные старушки, бывшие когда-то ее подругами, приносили ей то молока, то хлеба. А иногда какой-нибудь сосед, проезжая мимо на телеге с дровами, подкинет ей дровишек на зиму и поспешит быстрее к себе домой, где тепло и уютно и где ждут хозяина с нетерпением и пирогами.

А потом и старушки соседки, состарившись, сами дальше огорода выходить перестали, и прочие односельчане в делах да заботах стали реже навещать в дом Горевухи.

Глава 2

Стояла долгая и нудная осень. Собралась как-то Марья Гавриловна пироги стряпать. Сняла с полки тяжелый мешок с мукой да по немощи своей и выронила его. Упал мешок на пол, а мука взяла да рассыпалась. Белой пургой завьюжила по всему дому.

– Вот беда, – запричитала старушка.

Но делать нечего. Натянула она себе на голову толстый черный платок, изрядно потрепанный и обвисший неровной бахромой по краям, обула стоптанные рваные галоши, чтобы в грязи не увязнуть, взяла в руки старомодный потертый зонт с длинной ручкой от дождя и пошла на базар.

Вышла она на улицу, закрыла за собой покосившуюся калитку, глянула на небо. А там, прямо над ее домом, нависла огромная туча, низкая, кривая, черная.

– Смотри, смотри. Наша Гореvуха прямо как эта черная туча, – услышала она вдруг веселый детский голос.

Своими подслеповатыми глазами старушка не могла видеть в полумраке двух сорванцов, сидевших верхом на соседском заборе. Но зато она хорошо слышала неприятный для нее разговор.

– Ага, точно, – согласился второй мальчишка, – или как старая ворона с крыльями. Зонт у нее дурацкий. Сейчас вот-вот улетит на нем. Ха-ха-ха!

Его приятель присоединился к хохоту, и оба насмешника чуть не свалились с забора. Старуха, подойдя ближе, пригрозила озорникам вытянутым вверх крючковатым пальцем и пообещала страшную напасть на их головы за непочтительное отношение к ее старости. А сама, не прерывая гневного бормотанья, сложила с трудом свой серый с длинной ручкой зонт и, опираясь на него, как на клюку, поплелась по топким грязным лужам на сельский рынок.

Молодая пышная, как свежий каравай, девка в нарядном ярко-красном платке и таких же сапожках вешала тяжелый чугунный замок на рыночные ворота, когда к ним добралась-таки Гореvуха, уставшая, промокшая, вся в грязи.

– Поздно уж, бабуся, – сообщила ей пышнотелая торговка. – Все ушли по домам. Да и вам пора уж. Погода, смотрите, портится. Того и гляди, ненастье начнется.

Она равнодушно стала грызть бублик с маком, а потом вытащила из широкого кармана другой и сунула старушке в руку на утешение. Но та с пренебрежением отбросила протянутый гостинец.

Девушка однако ничуть не обиделась и лишь пожалала пышными плечами. Укутавшись потеплее в платок, она поспешила в глубь улицы догонять подругу, чтобы вместе пойти поскорее домой.

«И что это Милка так легко оделась?» – подумала она, глядя на тоненькую кроличью душегрейку на подружке.

Милка, то есть Меланья, Прохорова жена, маленькая худенькая девушка с большим ведром в руке, мелко семенила по скользкой дорожке, дрожа от пронизывающего ветра, и то и дело останавливалась, чтобы потоптаться на месте и немного согреться.

– Полинка, это ты? А я тебя все никак не дождусь, – пожаловалась она догнавшей ее подруге, дыша на свои окоченевшие руки, и показала головой на стоявшее рядом с ней ведро, полное угля. – Вон, запасаюсь. Нынче холод будет, у-у-у!

Та согласилась, и обе, подхватив тяжелое ведро, весело побежали прочь.

А старушка осталась одна на пустынной дороге посреди чужих домов с запертыми дверями и наглухо закрытыми ставнями на окнах. А холод все приближался и с каждой минутой грозился перерасти в настоящую стихию. Вскоре с неба крупными хлопьями повалил густой снег, и все вокруг погрузилось в непроницаемую мглу.

Пока Горевуха ковыляла к своему дому, совсем стемнело. Она едва различала дорогу в беспросветном снежном мраке. Ноги в резиновых галошах немилосердно скользили по заледенелым лужам. Зонтик нисколько не помогал преодолевать глубокие сугробы. Вскоре снегопад превратился в настоящее бедствие. Пурга поднялась с такой силой, что скрыла из виду дорогу. Старуха окончательно сбилась с пути. Подбитой птицей рыскала она среди белого безумия, не находя дороги и не зная, у кого просить помощи. И только глухое безлюдье бесконечных улиц с заметенными по самые окна домами, похожими один на другой, окружало несчастную скиталицу. Не было никакой надежды вырваться из этого снежного плена.

Глава 3

Но случайной жертвой стихии оказалась не одна Горевуха. Всем Дроздам в этот день пришлось лихо. Кто-то не успел запастись дровами, кто-то не убрал сено от сумасшедшего ветра, кому-то не довелось вовремя попасть домой.

Злая вьюга веселилась, видя, как на Мельничьей улице оказалась запертой в снежном капкане груженная зерном телега. Ее добрый хозяин мужик по имени Фрол никак не ожидал прихода зимы и не позаботился заменить телегу на сани. И теперь верная Сивка стояла посреди снежных заносов не в силах сдвинуться с места, меж тем как снега прибывало все больше и больше, и конца краю не было видно этому бесчинству.

– Эй, Макарыч, ты, никак, зимовать тут собрался, – услышал знакомый голос горе-ездок и увидел сквозь белую пелену своего кума Митьку, здорового крепкого детину с большими красными кулаками, в лохматой волчьей шапке.

– Подсобил бы, брат, – угрюмо глядя на свою поклажу, попросил Фрол.

– А кабы не мочь, можно и помочь, – смеясь, ответил детина и тут же растворился в снежной дымке.

– Куда ты? – только и успел крикнуть Фрол.

А его шустрый кум уже ломился своими пудовыми ногами в ворота соседских дворов и запускал снежки в запорошенные окна. Через несколько минут вся улица, словно растревоженный улей, высыпала на дорогу, и дюжина мужиков, и сильных, и проворных, и шуплых, и неповоротливых – всяких, выталкивала упрямую телегу из снежного болота.

– Эх, раз! То-то хорошо, – радовался Митька, впрягшийся в телегу заместо старой Сивки.

Так и помогли незадачливому Макарычу справиться с бедой. Народ в Дроздах промеж себя дружный, не даст другу пропасть.

А как одной парой рук обойтись, когда огромная кадка с мочеными яблоками бабы Назарихи, что жила у самого пруда, съехала по промокнувшей насквозь земле прямо к берегу да так и замерзла, сроднившись с ледяной прибрежной коркой? Назариха так громко голосила с горя, что перекрыла своим голосищем вой пурги. И на ее крики сбежались в испуге все соседские бабы и девки и вытолкали бочку из низины, а потом и дотасили голыми руками до сарая. Куда лучше потаскать на себе тяжелую бочку, чем вздрагивать понапрасну от дикого бабьего вопля.

Пока Назариха плакала на радостях да порывалась угостить благодетельниц яблоками, те уж бежали с метлами и лопатами скорей на главную дорогу. По ее мощеному хребту больше всего ездили повозки с товаром на базар и обратно. По ней ходили дроздовцы по воскресным дням в церковь на службу. Этим же путем бегали детишки в сельскую школу, единственную на всю округу. А теперь всем миром дружно и ладно и мужики, и бабы чистили дорогу от толщи снега, налипшего на мерзлые камни. Измучились, устали, зато согрелись, развеселились. С таким народом любой мороз нипочем.

А в это время спешила, утопая в сугробах, к себе в холодную избу маленькая худенькая девушка с полным ведром угля. Трое ее ребятишек и старая мать сидели в нетопленной горнице и ждали тепла.

– Сейчас, сейчас, – торопливо перескочив порог, засуетилась Меланья и побежала к печке.

В ту же минуту открылась дверь, и в дом вошел хозяин с телянком на руках.

– Вот принес, а то в хлеву, поди, замерзнет совсем, – сказал он и поднес животину к подпечку. – Да и тут не дюже жарко.

Молодая хозяйка, виновато взглянув на него, живо скинула с себя душегрейку и наскоро растопила печь. А потом собрала всю семью за большим дубовым столом и, задыхаясь от вол-

нения, поделилась важной новостью. Даже неразумный теленок выбрался из-под теплого подпечка и сторонкой приблизился к собравшимся, чтобы послушать.

– Как только я с подругой, продавщицей с рынка, прошли всю Лопатинскую улицу от рынка до главной дороги, началась такая выюга, страсть! – спешно заговорила Меланья.

– Да, ветер поднялся будь здоров, – согласился Прохор, ее супруг. – Все видели.

– Видели, да не видели. А мы с Полиной все видели, святой истинный крест. Как завьюжило, как закрутило, как занесло...

– Кого занесло? – недослышала мать-старуха и, подсев поближе, подставила свое глухое ухо.

– Снегом, говорю, занесло. Как ветер-то поднялся, так и наша Горевуха вместе с ним взлетела, точно птица, ей-богу, не вру, прямо с зонтиком, в рваном платке и галошах. И понеслась...

– Красиво сочиняешь, просто сказка, – недоверчиво отозвался муж и пошел кормить скотину.

– Мама, мама, расскажи сказку, – запищали дети.

А мать лишь рукой отмахнулась. Видела ли она то, о чем только что поведала своему семейству, или ей, и впрямь, все почудилось, она уж и сама не могла решить.

Глава 4

А виденья у нее как раз не было. Горевуха, как нерасторопная ворона, подхваченная неистовым вихрем, оторвалась от земли и понеслась над курящими теплым дымом крышами домов бог весть куда. В непроглядном снежном мареве среди спускавшихся вечерних сумерек она уже не различала, где земля, а где небо, и не понимала, придет ли конец ее невероятному злосключению.

Но холодная природа, в отличие от равнодушных, глухих и слепых людей, решила все же сжалиться над бедной летучей старухой и, прилично помотав ее кругами над родными Дроздами, благополучно опустила на мягкую заснеженную землю на одной из деревенских улиц.

Так бы и осталась Горевуха замерзать одна на дороге, всеми забытая и никому не нужная, если бы не разглядела случайно в бескрайней снежной мгле знакомый голый кустик, бывший когда-то цветущей белой черемухой. За ним-то и показалась ее самая занесенная снегом изба со старым фикусом и серыми занавесками на маленьком окошке.

С трудом открыла она расшатанную калитку, утонувшую наполовину в снегу, и еле пробраться через топкие сугробы к крыльцу. Едва старушка скрылась за скрипучей дверью, как жуткая метель тут же улеглась, успокоилась, будто ее и не было вовсе. Лишь высокие пышные сугробы развалились вольготно на замерзшей дроздовской земле, да кривая черная туча, похожая на Горевуху, осталась висеть в небе над ее холодным одиноким домом.

Глава 5

Утро встретило дроздовцев ядреным трескучим морозом, белым искрящимся в лучах чудесного зимнего солнца снегом, причудливыми узорами на окнах и радостным настроением. А как тут не радоваться? Зима-забавница в гости пожаловала. Веселись, народ!

Кто из ребят теперь дома усидит? В тулупах, в валенках, в мягких пушистых варежках высыпал мал народ на улицу и пошел в игры играть, мороз и стужу пугать. Раз, два – и смастерили маленькие селяне крутую снежную горку прямо у речного обрыва да давай с нее скатываться. Кто на санках, кто на холщовых дерюжках, кто на коре осиновой, а кто и ни на чем, задом своим горку отглаживал. Того и гляди, перевернутся и наломают себе костей. Будет тогда дома взбучка, и гулять потом ни за что не выпустят. Да кто ж об этом думает, лихо слетая с высокой горы?

А на речке Дроздовке снег расчистили так, что лед заблестел, точно новое зеркало. Беги да катайся хоть на коньках, а хоть и на голых пятках. Тут и шум, и смех, и крики, и каждое неловкое падение веселит до упаду разгулявшуюся ребятню.

Да что горка, да что каток! Почитай, во дворе каждого себя уважающего дома вырос сторожем свой снеговик, с ведром на голове, метелкой в руке и морковкой вместо носа.

– Что это у тебя снежная баба такая тощая вышла, снега, что ли, пожалел? – спросил мальчик Петька у друга Родьки, с которым накануне над бабой Гавриловной потешались. – И на башке не ведро, а платок какой-то драный. Ну, точно, наша Горевуха.

Родька не внял замечаниям приятеля и вместо ответа залепил ему снежком в ухо.

– А ну, брось баловаться, а то уши надеру, – рявкнул Родькин отец, проходивший мимо. – А что, и вправду, Горевуха и есть Горевуха.

Глава 6

А что же сама старуха? Бодрое утро первого зимнего дня не обрадовало ее ни солнцем, ни морозом, ни белым снегом. Еле встав со скрипучей расшатанной лавки, она поплелась было к печке, чтобы растопить ее. Хватилась, а дров-то нету. За ними во двор идти надо, еще и хворосту насобирать для растопки. Да где ж его сейчас в таких сугробах отыщешь?

Загоревала старуха. Ходит по холодной избе, неприкаянная, и охает. Где бы тепла раздобыть, чем бы воду в ледяном колодце начерпать, как бы чаю нагреть да хлеба испечь? А в доме пустота, только по полу вчерашняя рассыпанная мука белым снегом стелется, еще сильнее тоску нагоняет.

Но погоревать ей толком не довелось. Громкий детский смех, раздавшийся за окошком с серыми занавесками, оторвал ее от мрачных мыслей. Сильно разозлило такое надругательство Марью Гавриловну. Она тут пропадай, а там веселятся непонятно чему. Вооружившись гневом и старым зонтиком, она отправилась во двор проучить негодников. Дверь толкает, а открыть не может: примерзла деревяшка за ночь. Что же делать-то? И тут в окошко ударилось что-то тяжелое, чуть стекло не разбилось. Старушка оглянулась, и снова бац – удар. Это мальчишки-сорванцы по окну снежками стреляют.

Терпение бабы Горевухи лопнуло, а возмущение придало силы. Одним рывком выбила она неподатливую дверь из ледяных тисков. Однако грозно поругаться и выплеснуть на обидчиков свое раздражение она, к несчастью, не успела. Стайка мальчишек с веселым смехом мигом разлетелась, словно снежный ком, в разные стороны. Только их и видели.

Глава 7

Надо сказать, дроздовские дети не всегда были балованные и непослушные. Если было нужно, любой даже самый заядлый шалун мог сделаться серьезным и воспитанным. Такие чудеса нередко встречались в сельской школе.

Анна Андреевна, добрая и приветливая, но строгая и неподкупная учительница, начала урок не совсем обычно. Она не стала вызывать учеников к доске и не спросила, все ли справились с домашним заданием.

– Сегодня мы поговорим о добрых делах, – сообщила она классу и внимательно оглядела ребят. – Скажите мне, кто из вас может похвалиться, что сделал доброе дело, ну, скажем, вчера или на днях?

Ученики оживились. Конечно, за такие ответы оценки ставить не будут. А похвастаться перед одноклассниками дело нужное.

– Я вчера весь наш двор от ворот до самой бани от снега расчистил, папке помогал, вот, – бодро отчитался маленький веснушчатый мальчишка. – А потом еще и соседу помог, дядя Гоше. У него нога больная, он плохо ходит.

– Молодец, Миша, – похвалила Анна Андреевна. – А ты, Максим, чем можешь нас удивить?

– А я вчера откопал в снегу колесо от телеги Фрола Макарыча. Он его потерял, а сам найти никак не мог.

– Это хорошее дело. А еще кто-нибудь может рассказать нам о своих добрых поступках?

– Я могу.

– И я.

– Давайте по очереди.

– Я, Анна Андреевна, пустила к нам в дом бродячую собаку. Она чуть не замерзла совсем на морозе. Мама сначала отругала меня, а потом тоже пожалела собаку. Я назвала ее Морозыка, и она осталась у нас жить.

– А я птичку покормил на нашей улице хлебом и просом.

– А я младшего братишку Саньку отвез на саночках в детский садик.

– А я помог бабушке дойти до дома. Она шла по дороге, поскользнулась и чуть не упала.

– Чья же эта бабушка, Ваня? Ведь у тебя нет бабушки.

– А это не моя. Она ничья. Это Горевуха, то есть Марья Гавриловна.

Ваня потупился, замаялся немного, а в классе послышался смех.

– Ха-ха! Горевуху спасал. Так ей и надо, пусть себе падает. Она противная.

Учительница рассердилась.

– Как вы можете так говорить, – сказала она в возмущении. – Добро нужно делать всем и всегда. Его каждый заслуживает.

Никто не стал ей возражать.

Глава 8

Добрые дела в Дроздах любили делать не только дети. Их мамы и папы, тети и дяди, бабушки и дедушки частенько помогали и своим родственникам, и своим соседям, и соседям с других улиц, а то и вовсе чужим людям. Так, с приходом холодов в селе Сафроново, что за лесом, в часе езды верхом, замерзла в реке лодка, зажатая льдами. В ту пору как раз проезжали мимо на санях два брата-дроздовца. Они и помогли местным рыбакам-неудачникам вытащить лодку на берег. За это сафроновцы дали им целую корзину свежевывловленных лещей.

Так, брат Игнат и брат Кондрат вернулись с уловом домой, а там, видят, мужики спасают избу дяди Михайла. Еще по осени залилась вода через худую крышу аккуратно под нижний венец. А пришли холода, и превратившаяся в лед влага раздвинула скрепы, и разошлись стены. Вот-вот дом накренится. Что тогда делать? И дюжина пар сильных мужицких рук с огоньком да с крепким словцом сладили дело. А Игнату и Кондрату не досталось никакой доделки.

Они и не сердчались. Чего грустить, когда вокруг такая благодать? Снег искрится, мороз за нос щиплет, ребята в снежки играют, азарт подогревают. Едут себе братья дальше.

Вот уж и дом Солониных. Семья у них большая, детишками богатая. Все время детский смех аж до другой улицы слышен.

А тут не до смеху. Солониха кричит, надрывается. Что такое? Братья подкатили, узнать хотят, что стряслось. А в погребе у доброй Серафимы Васильевны вся картошка, как есть, померзла. Не успели ее как следует соломой укрыть, надеялись, пронесет. А мороз по-своему распорядился. Вот и плачет теперь баба, чем детей кормить, не знает. А к ней уж соседи поспешают, кто чем помочь рад – кто куль картошки тащит, кто мешок репы, кто пуд лука репчатого. А братья ей всех лещей до единого отдали.

– Чем и благодарить-то вас, люди добрые? – снова плачет Солониха.

– На твою доброту своей отвечаем, – говорит ей Меланья. – А вот есть такие, что сами от добра убегают.

– Это кто ж такие? Небось, не из нашей деревни? – не поверил ей Фрол Макарыч.

– Как же! Из нашей. Пошла я на днях угостить пирожками бабу Горевуху, а она меня со двора прочь погнала, точно собаку.

Маленькая Милка в кроличьей душегрейке издалека, и впрямь, на серую собачонку походила. Фрол только плечами пожал и почесал темя.

– А верно Милка подметила, – вступил в разговор кум Митька. – Собирался я тоже Горевуху выручить, дров ей наколоть да воды натаскать. А она меня как увидела, клюкой на меня замахала. «Убирайся, – кричит, – а то старосту позову».

– И не клюкой вовсе, а зонтом своим, – поправила Митьку розовощекая Полинка. – Она его заместо трости носит, чтобы ходить легче было. А он ей не помогает вовсе. Скользит, и удержу нет. Я сама видела, хотела руку ей подать, а она в сторону от меня, как от чумы, шарахнулась.

– И я видела, – оживилась баба Назариха. – Иду мимо церкви нашей Троицкой, значит, смотрю, а Гавриловна сидит на паперти, видно, отдохнуть присела. А я-то сдуру решила: милостыню просит баба. И дала ей на пропитание самую малость. А она как закричит, как заругается!

– Ну, раскудахтались, оглашенные, – замахал руками дед Степан, самый старейший и самый сведущий из всех стариков на селе. – Все бы языками попусту молотить. Во все не такая Марья Гавриловна. Уж я говорю, значит, знаю.

– А какая она? Лексеич, не обидь, расскажи, – подошла поближе к нему Серафима, а за ней следом, не пряча любопытства, все ее домочадцы от мала до велика.

– Такой ли она была? – начал Степан Лексеич. – Первая на деревне веселушка была. Скольких девок она переплясывала, на каких только гулянках не подпевала, сколько парней за ней бегало, ух! И что ни попроси, все отдаст, все сделает, ничего не пожалеет.

– Не может быть, – усомнилась младшая дочка Солонихи, и глаза ее округлились, точно блюдца. – Разве она была молодой и веселой?

– А то как же! – дед Степан закивал своей седобородой головой. – Я еще мальцом бегал к ней на двор с ребятами. То по леденцу на палочке раздаст каждому, то сказку добрую расскажет, то йодом коленку разбитую смажет. Да, времена нынче не те...

Дед побряхтел, хотел еще что-то добавить, но тут подошла учительница Анна Андреевна.

– Времена-то те же самые, – справедливо заметила она, – а вот люди... Некоторые с годами черствеют, словно хлебная корка, от добра отворачиваются.

Глава 9

И правда, Горевуха сторонилась людской доброты, но никто из ее односельчан не знал и не догадывался о причине такой перемены старухи. Она же тем временем, наполовину ослепшая и оглохшая, стала еще и чрезвычайно мнительной и подозрительной. То сослепу не разглядит, кто к ней в дом пожаловал, то не услышит, кто ее по имени окликнул. А то вдруг пригрезится ей, будто воры к ней в дом ломятся, последний куль сухарей отобрать норовят. А от протянутой милостыни убегала, думая, что у нее самой выпрашивают на подавание.

– Я и так бедная и несчастная, – причитала с утра до ночи Горевуха, глядя в окно за серыми занавесками. – И в избе у меня не топлено, и в кладовой у меня пусто, и вода в колодце застыла, и никто мне не поможет, и никто обо мне вспомнит. Злые люди, злые.

Так и жила Горевуха наедине со своею тоской. И люди о ней стали и в самом деле понемногу забывать. Да и не до того им было. Помимо забот по хозяйству, прибавилось еще хлопот по случаю зимних праздников. Наступали Святки, а за ними Новый год в Дрозды торопился, а там и Рождество. Тут уж не до печали.

Мужики в лес зачастили, елки попышнее, позеленее ищут, в дом тащат. Бабыстряпню праздничную затевают. Колокол дроздовской церкви радостный звон разносит по домам и дворам и далеко в поля и перелески. Дети большими шумными толпами собираются и с песнями и прибаутками по деревне с мешками, колядуют по случаю великого праздника. Летят песничколядки по всем улицам, даря радость людям, а ребята получают взамен целые горы подарков. А людям не жалко. Они, веселые и беззаботные, гуляют, празднуют, набивая пузо и ни о чем плохом не думают. Во всех домах горит свет, топятся печи, столы ломятся от угощений, а воздух переполняется детским смехом и самым благодушным настроением.

Только Горевуха сидит одна у окна за пустым столом, мусолит беззубым ртом сухую корку, кислым квасом запивает, и на дорогу смотрит. А там в темноте рождественской ночи видит темные фигуры с большими мешками. «Знать, разбойники рыщут, добро у честных жителей отбирают», – думает старуха и на всякий случай подпирает кочергой старую хлипкую дверь. Теперь-то никто не проникнет в ее жилище, никто не посмеет нарушить ее покой.

Но покоя себе она все равно не находит, думы тяжкие одолевают старуху, мучают ее тревоги и видения. Ходит по избе, словно медведь-шатун, и приговаривает:

– Никто мне указ. Сама все знаю.

А знала она, что глубоко несчастна и что корень всех ее бед – в людском бессердечии.

А раз люди виноваты в ее горе, то пусть и отвечают сполна. Так решила забытая всеми Горевуха. И потому всех односельчан, и малых детей, и взрослых людей, и стариков, и старух, ждала злая участь – оказаться пол властью ее неумеренного гнева.

Глава 10

Началась теперь для Горевухи другая жизнь. С самого утра, едва только рассветало, она выходила на крыльцо. При себе всегда имела зонт-клюку и самое мрачное настроение. Оглядевшись подозрительно по сторонам и убедившись, что никто ее не видит, она поднимала вверх голову в потрепанном платке и устремляла свой острый старушечий нос к кривой черной туче, похожей на нее саму и не сходившей с неба ни на один миг. Потом скомканным беззубым ртом начинала тихое злобное бормотанье, переходившее в громкий надрывный шепот:

– Туча, туча, нависай,
Снега, снега рассыпай,
Не жалея, от натуги
Намети побольше вьюги!

Голос старухи, долетая до грозной тучи, будил в ней недовольство стихии, и она рассыпала по земле огромные сугробы, поглощавшие друг друга, как волны в океане.

Но Горевухе этого было мало. Тогда она, опираясь на клюку, шла хромой походкой через глубокие снежные заносы до самой мельницы и зловещими уговорами заставляла мельничные крылья вращаться в бешеном темпе.

– Крылья, крылья, мельтешите,
Ветер, ветер нагоните.
Пусть сильнее вихрь помчит,
Все задует, все затмит, —

шептала она с горячим злорадством.

И, покорный воле раздраженной старухи, разгулявшийся до предела ветер готов был снести все нестойкое и шаткое в деревне: соломенные крыши домов, перекошенные заборы, собачьи будки, журавлиные жерди на колодцах и, не насытившись малыми жертвами, желал смести с лица земли и всю деревню вместе со старухой и ее зонтом. Но та упрямо держалась на ногах и только подливала масла в огонь, жадно размахивая своим платком, словно крыльями.

Едва ураган разыгрывался, она уже торопилась к речке Дроздовке. Там продолжались ее суровые заклинания:

– Не желей, зима, свой гнет,
Куй мощней и крепче лед.
Аж до самого до дна
Стыньте, души, ото льда.

У самой Горевухи душа, видимо, уже совсем заледенела, и она щедро делилась ею со всем миром.

Но и этого ей казалось мало. Тогда она отправлялась в чистое поле, что сразу за оврагом у края села. Там, стуча клюкой о замороженную землю, призывала к злодейству невидимые силы:

– Не скупись на холод, стужа.
Мне мороз страшнее нужен.
Заморозь весь белый свет.

Все застынет в вихре бед.

И тогда самые суровые морозы начинали неистовствовать по всем Дроздам и их окрестностям. А Горевуха ликовала:

– Бойся, бойся, стар и млад!
Погубить мороз вас рад.

И трясла своей клюкой в вихре снежного буйства, радуясь своей власти.

А народ дроздовский, загнанный лютой старухой по домам, сидел в них сиднем, не вылезая, боясь холода пуще огня. За заледенелыми окнами люди не видели ничего, кроме снежной бури, а за наглухо закрытыми дверями не слышали ничего, кроме ее жуткого завывания. И никто из них не ведал, что все это – дело рук Горевухи.

Лишь изредка выбежит кто-нибудь из теплой избы на жгучий мороз то ли за вязанкой дров, то ли за водой, то ли скотину покормить. И увидит тогда в снежном облаке не то птицу, не то зверя в черном одеянии, рыскающего с длинной клюкой по заметным дроздовским дорогам. Перекрестится добрый человек и скорей в избу воротится от беды подальше.

А страшная старуха все бродит на ветру, не боясь жуткого ненастья, все нашептывает себе под нос глухие проклятья, утопающие в вое выюги.

Глава 11

Тут и весне срок пришел, а зима, прочно обосновавшись на дроздовской земле, и не думала покидать завоеванные ею пределы. А вещая старуха только подогревала ее холодный пыл и, поднимая к небу костлявый кривой палец, наговаривала:

– Весны не будет.

Как-то пробежали ребята мимо горевухинского дома и увидели ее, стоявшую у калитки прямо под грозной черной тучей. Завидев детишек, старуха замахала на них клюкой, и они припустили быстрее.

– Мама, мама, а почему баба Гавриловна на нас ругается? – пожаловалась матери прибежавшая домой старшая дочка Меланьи Анютка.

– Ну, наверное, вы плохо вели себя. Вот она и рассердилась.

– И вовсе нет. Она сказала: весны не будет.

– Это она напрасно так сказала, – ответил глава семейства плотник Прохор, сколачивая новую скамейку. – Не слушайте вы ее. И чего зря сидите? Спать пора.

Дети отправились на теплую печь, но спать не стали.

– А разве так бывает, чтобы весны не было? – с недоверием прошептал маленький Яшка, прячась под толстое одеяло.

– Бывает, раз Горевуха так говорит, – ответила шепотом Анютка. – Она старая, потому все знает.

– Я боюсь эту бабусю.

– И я боюсь.

Детский шепот прервал грозный голос Прохора:

– Тихо! Будете баловаться, Горевуху позову. Тогда вам несдобровать.

А сам нервно покачал головой и вопросительно посмотрел на жену. Та даже передернулась от неприятного ощущения, вызванного одним только упоминанием о злой старухе.

Накликав беды, Горевуха держала теперь в страхе не только детей, но и взрослых дроздовцев.

– Весны не будет, – слышали изредка прохожие, видя на улицах черный силуэт с клюкой, и спешили прочь.

И детям строго-настрого было велено избегать всякой встречи с бабой-бедой.

Глава 12

– Да, плохи дела, – кряхтя и кашляя, проронил дед Алексеич, глядя на односельчан, собравшихся на сельской сходке в доме старосты.

– Да уж, хуже некуда, – подтвердила баба Солониha, мусоля клетчатый платок и кутаясь в полушубок.

– Что делать-то будем? – спросил староста Федосей Федосеевич в валенках и стеганом жилете и обвел всех пристальным взглядом. – Думу думать надо.

Все дружно молчали. Такого еще не было в достославных Дроздах. Оставалось только уповать на милость природы и продолжать грустить от неотвязчивой зимней стужи.

Люди терпеливо переживали случившееся, не надеясь уже дожидаться весны. Тут уж и лету черед пришел. А зима, как наладила свое господство, так и ни с места. Жизнь, хоть и продолжалась, но будто застыла навеки. И всем было по-прежнему горько и тоскливо. И все уж позабыли, что такое праздники, веселье и радостное настроение.

Глава 13

Только раз в доме Настасьи Ильиничны бросили думы о скуке. Маленькая девочка Машенька, любимица всей семьи Воронковых, справляла нынче именины. Собрались родственники со всей деревни, да еще и соседей позвали. Посадили посреди горницы счастливую именинницу в розовом платье с бантами, поставили перед ней большой круглый пирог со свечами и дружно запели:

– Как у Машеньки-душеньки
Праздничек в радость.
В подарочек сладость —
Именинный пирог.
Положи-ка в роток.

И дети, и взрослые встали в круг и давай водить хоровод. А Машенька-душенька взяла кусочек пирога, но в рот не положила. Пока народ веселился, ее не замечая, накинула на плечи платок, вышла с пирогом на порог – птичек покормить. А там и нет никого, все попрятались. Только ветер по двору гуляет, снег раздувает.

Вдруг видит девочка: в снежной мгле бабушка старенькая плетется, еле ноги волочит. И не радостно вовсе старушке, плачет, слыша, как в доме музыка громко играет, народ развлекает.

Подбежала Машенька к ней и пирог ей протягивает.

– На, бабушка, не плачь.

А в это время в доме смолк шум голосов, музыка играть перестала. Дверь распахнулась настезь, и на крыльцо выбежала перепуганная мать Настасья Ильинична. Видит, дочка Машенька в небрежно накинутом пуховом платке стоит радостная, улыбается.

– Что с тобой, деточка? – взволнованно спрашивает женщина. – Тебя никто не обидел?

Машенька отрицательно замотала головой и опять улыбается.

Однако мать ей не поверила, да и гости тоже, высыпавшись на крыльцо. Во время гулянки кто-то заметил в окне мрачную фигуру Горевухи. Хватились – а Машеньки-то нет. Но страхи оказались напрасны.

– Бабушка холосая, – стала защищать ее девочка. – Она сказала, сто она тозе Маша.

– Значит, это все-таки злая Горевуха.

– Она не злая, она доблая. Она сказала: спасибо, Масенька.

– А еще что-нибудь сказала? – не унималась мать, на всякий случай ощупывая ребенка и плотнее укутывая в платок.

Народ с нескрываемым любопытством встал вокруг плотным кольцом.

– А исе бабушка Маша сказку лассказала.

– О чем же сказка?

– Сказка пло лето, пло солныско и пло тепло. Вот.

Люди на крыльце стояли молча, не зная, что и подумать. А тем временем вой выюги усилился. Женщина подхватила ребенка и поспешила в дом. Остальные последовали ее примеру.

Пурга разыгралась сильная и свирепая, как в первый день зимы. Люди испугались больше прежнего. Не было страшно только девочке Машеньке, поверившей в добрую бабушкину сказку.

Глава 14

Когда наступило утро, она первой выскочила во двор в одной фланелевой рубашонке. Стоя на крыльце, она услышала радостный колокольный звон, перекрикиваемый неугомонными голосами дроздов, спрятавшихся в ветках кустов и деревьев. С ясного синего неба на землю, утопающую в зелени, щедро лились яркие лучи по-летнему теплого солнца.

Следом выбежали на улицу и все Воронковы, а за ними и все село. Такого еще не видели его жители. Они шли шумной толпой по главной улице и диву давались. В распаханых полях рожь колосится, в огородах овощ поспевают, в садах яблоки и вишни соком наливаются.

Собрался весь дроздовский народ потрясенный посреди Троицкой площади перед церковью с горящей на солнце золотой главкой. Стоят люди и шушукаются:

– И вправду, весны не было. Лето сразу настало. А где же Горевуха с ее пророчествами?

И поспешили дроздовцы всем миром к захудалой избушке старушки, что пряталась всю зиму напролет под огромной черной тучей. Прибежали, глядят, а тучи-то и нет вовсе. Перекошенная калитка утопает в лопухах и крапиве. Люди во двор входят, видят: двери и окна все нараспашку. В дом входят, а там по пустой избе ветер-забияка гуляет. А старухи и в помине нет.

– Где же Горевуха? – удивляется в угрюмом молчании народ, бродя по пустынному жилищу.

– Смотрите, что это? – вдруг раздалось откуда-то снаружи.

Люди высыпали на улицу. Каково же было их удивление, когда перед общим взором возник подле забора куст черемухи, весь усыпанный белым пушистым цветом.

– Точно, как в тот, год, что посажен был, – заметил дед Степан и почесал седую бороду. – Сажала его сама Марья, цвел красиво. Я еще мал был, вот как сейчас Машенька.

Он взял девочку за ручку и повел ее к белоснежному кусту, единственному признаку весны, что остался в деревне Дрозды, прочно утонувшей в солнечном лете.

– А где же бабушка Маша? – спросила девочка и посмотрела своими синими, как небо, глазами в белесые глаза старика.

– Превратилась наша баба Маша в черемуху, белую и цветущую. Будет теперь радовать глаз.

И все согласились с ним. Ведь куст черемухи, как и добрый человек, должен нравиться всем.

И в самом деле, с тех пор Горевухина черемуха, вернувшись к жизни, больше никогда не засыхала, и с ранней весны до поздней осени цвела белым душистым облаком, и только зимой скидывала свой цветущий наряд и укутывалась густым снежным покрывалом. И тогда над ней вновь нависала черная туча и засыпала землю снегом. Но зимы никто уже не боялся. Все знали, что весна будет и тепло обязательно вернется.

Угол

Часть 1. В углу

Глава 1. Наказание

– Здравствуйте, тетя Таня. Здравствуйте, дядя Дима. А Тиша дома?

Усатый хмурый мужчина, вышедший на порог квартиры вместе с добродушной пухлой тетенькой в фартуке, нахмурил брови и строго ответил:

– Дома-то он дома, но гулять не выйдет. Наказан.

Малыш в коротких штанишках на одной ляжке и рубашке с оторванной пуговицей убедительно шмыгнул носом и дал понять всем своим видом, что сдаваться не собирается. Наглым пронзительным взглядом серых мальчишеских глаз он в упор посмотрел на добрую тетю. Та улыбнулась ему.

– Ну, раз пришел, то можешь провести его, но только на пять минут, а потом...

Мальчик не услышал, что будет потом, потому что реактивной ракетой влетел в дверной проем и через четверть мгновенья был уже в маленькой комнате своего друга.

– А, Гришка! – обрадовался тот и вяло улыбнулся. – А я, видишь, стою тут, в углу...

Гришка, а именно так звали шустрого гостя, а если точнее, то Гришка-игришка, прекрасно видел, в каком незавидном положении находился его верный приятель.

Тишка считался первым другом Гришки, хотя друзей у бывшего сорванца и заводилы всех ребят во дворе было великое множество. Но его почему-то больше тянуло к скромному тихону Тихону, всегда одетому в чистую выглаженную рубашку и всегда целые брюки. И потому-то никакая кличка не приставала к нему, кроме его собственного имени Тиша, ведь был он тише воды, ниже травы.

И он в свою очередь рад был дружбе с неумным и богатым на выдумки Гришкой-игришкой. Именно Гришка мог в любую минуту разбудить в тихой натуре приятеля азарт и радость приключений.

– Вот, наказали меня за вчерашнее, – вздохнул он и повесил нос.

– А, подумаешь, – равнодушно отозвался Гришка. – Мне, между прочим, тоже влетело. Батяка, знаешь, как выдрал. О!

Гришка показал то место, которое получило заслуженное наказание.

Глава 2. Вчерашняя выходка

Да, их вчерашняя дерзкая вылазка стоила самых строгих взысканий. Именно Гришка, как обычно, самым наглым образом подбил на преступный поступок послушного и безропотного Тишку. И их счастье, что только половина всей пакости стала известна родителям героев – это вымазанные в мазуте физиономии и одежда. Главная же часть подвига осталась глубокой тайной двух приятелей.

Дело в том, что в их двор, как назло, привезли строительные материалы для ремонта фабрики по производству игрушек. Она располагалась как раз за углом Тишкиного дома и всегда вызывала любопытство всех без исключения ребят во дворе. Но проникнуть через высокий забор или запертые на крепкий замок ворота никому из них не представлялось возможным. Да и вряд ли что-то достойное внимания можно было увидеть на территории предприятия – одни

лишь серые каменные корпуса. И только за их стенами скрывалось от посторонних глаз настоящее игрушечное волшебство, созданное для счастья всех на свете мальчишек и девчонок.

А вчера... Массивные фабричные ворота оказались самым волшебным образом распахнутыми. Возле них равнодушно фыркал грузовик, на борту которого высились горы кирпича и бочки с мазутом. Машина была не разгруженной, только несколько бочек были сняты с кузова и стояли на земле в ожидании остальных. Вероятно, водитель пошел покурить, а безалаберные грузчики отправились на тихий час или еще куда-нибудь.

Этой-то оплошностью и воспользовался сообразительный Гришка.

– Ай-да, мазутом ворота мазать, – подбил он своего друга на хулиганскую выходку. – Тогда ворота ни за что не закроют, и мы спокойно на фабрику проберемся.

Такой план послушному Тишке пришелся не по нраву.

– Не-а, – неуверенно ответил он, боясь огорчить приятеля, и покачал головой. – За это влетит... да и вообще...

– Трус! – презрительно бросил Гришка и пошел прямо к воротам.

Не дожидаясь более обидных слов обвинения, Тишка покорно потащился за ним. Он увидел, как Гришка подобрал с земли грязную толстую палку, деловито обмакнул ее в черную жижу и нанес жирную кляксу на некрасивые абсолютно белые ворота. Тогда Тишка неловко отломил от куста тоненькую веточку и вслед за Гришкой сделался на некоторое время таким же чудо-маляром.

Как только ворота вместе с замком были добросовестно выкрашены, Тишка вместе с Гришкой и его подбадривающими пинками прошмыгнули на запретную территорию и первым делом подбежали к серому кирпичному зданию. Тишка, худой и хилый, был ловко посажен на плечи своего рослого и сильного друга и сделался прилежным наблюдателем того, что творилось за окном первого этажа, до которого было не дотянуться даже жирафу.

– Ну, ну, что ты там видишь? – нетерпеливо дергал Гришка за штанину Тишку, едва держась на ногах. – Щас свалимся вместе.

– Вижу... не вижу...

– Что ты там бормочешь? – терпение держателя наблюдателя начинало лопаться.

– Темно там. Какие-то полки, палки.. А подальше шарик, ролики... А поближе дяди на складе. А-а-а!

Глава 3. Побег

Тишка свалился с Гришки, а на их непутевые головы свалился, будто с неба, грозный и безжалостный сторож. Тут же громко залаяла проснувшаяся от глубокого сторожевого сна большая лохматая овчарка.

– А-а-а, дяденька, мы больше не будем, – взмолился Тишка.

– Конечно, не будете, – не сомневался сердитый сторож. – Я вас в полицию сдам, там вас в тюрьму для малолетних посадят, и баловаться вы уже точно не будете.

С этими словами он затолкал двух юных преступников в какую-то сараюшку, запер дверь на замок и ушел звать на помощь настоящих вооруженных защитников порядка. За дверью истошно надрылась собака, обещая разорвать в клочья обоих арестантов, если они вдруг захотят подышать свежим воздухом.

– У-у-у! – звучно завыл Тишка, размазывая грязными руками мазут по своему розовому лицу и белой рубашке.

– Не реви, – строго приказал Гришка. – Сами влипли, сами и выкрутимся.

– А как?

Гришка не стал вдаваться в объяснения. Вместо этого он взял в охапку несчастного плаксу и потащил в темный угол сарая. Там под самым потолком Тишка увидел маленькое не застекленное окошко. Но как можно было преодолеть такую высоту?

Пока Тишка недоуменно хлопал глазами и шмыгал носом, Гришка самым решительным образом, как будто этим занимался всю жизнь, подтащил к стене пару пустых ящичков, поставил их друг на друга, а сверху еще и ведро и бесцеремонно подбросил на сооруженную им кучу ничего не соображавшего Тишку, а следом запрыгнул сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.